

А.А. Гончаренко

**ФИЛЬМ БРАТЬЕВ ВАСИЛЬЕВЫХ «ЧАПАЕВ»
КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА:
ПО МАТЕРИАЛАМ ОБСУЖДЕНИЯ 29 НОЯБРЯ 1934 г.***

Аннотация. В статье речь идет об обсуждении 29 ноября 1934 г. в Доме советского писателя фильма братьев Васильевых «Чапаев». Автор вводит в оборот неизвестные ранее документы, анализирует выступления участников событий, кинематографистов и литераторов. Делается вывод о том, что подавляющее большинство участников обсуждения сошлись во мнении о «необязательности» следования историческим фактам в кинематографе, главным критерием оценки фильма стала его «партийность». Причину этого единодушия автор усматривает в соответствующей позиции И.В. Сталина.

Ключевые слова: «Чапаев», братья Васильевы, Д.А. Фурманов, кинематограф, И.В. Сталин.

Гончаренко Александр Александрович – аспирант
Всероссийского государственного института кинематографии
имени С.А. Герасимова, Москва. E-mail: aleksgo@yandex.ru

A.A. Goncharenko. The Film by the Vasilievs Brothers «Chapayev» as the Socialist Realism Work: According to the Materials of the Discussion on November 29, 1934

Abstract. The article looks at the discussion of the film «Chapayev» by the Vasilyevs brothers in the House of the Soviet writers in November, 1934. The author introduces a number of archival documents and analyzes the statements of the participants of the events as well as filmmakers and writers. It is argued that the vast majority of participants agreed that for the film-makers «it's not necessary» to follow historic facts, the main criteria for judging a film being its correspondence to «the party spirit». What explains this unanimity is the position advocated by Stalin.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Проект № 17-84-01005 а (ц).

Keywords: «Chapaev», *Vasilyev brothers*, *D.A. Furmanov*, *cinema*, *I.V. Stalin*.

Goncharenko Alexandr Aleksandrovich – postgraduate student
of the State University of Cinematography named
after S. Gerasimov, Moscow. E-mail: aleksgo@yandex.ru

29 ноября 1934 г. в Доме советского писателя состоялось обсуждение только что вышедшего на экраны страны фильма «Чапаев», снятого по одноименному роману Д.А. Фурманова. Материалы этого обсуждения, выявленные в фонде Всероссийской организации композиторов и драматургов (Всероскомдрам), хранятся в Отделе рукописей ИМЛИ РАН [9]. Они позволяют судить о том, как этот фильм воспринимался и участниками событий, и кинодеятелями, и литераторами.

На обсуждении выступали соратники Чапаева (Г.К. Васканов, И.С. Кутяков, А.И. Петраковский, М.А. Попова), свидетели и участники Гражданской войны (Демьян Бедный, Р.П. Эйдеман), представители литературного сообщества (В.М. Киршон и А.А. Сурков). А.Н. Фурманова, вдова автора романа, выступала как очевидцем описываемых в произведении событий, так и летописцем истории создания и книги, и фильма. М.С. Шагинян совмещала личные зрительские впечатления с идеологическими размышлениями. Было дано слово и создателям фильма – режиссерам Васильевым и актрисе В.С. Мясниковой.

Собравшиеся хвалили Васильевых за кропотливое изучение фактического материала [10, л. 23–35], очевидцы вычисляли степень сходства артиста Б.А. Бабочкина и самого В.И. Чапаева [9, л. 23], спорили об ландшафтных особенностях воспроизведенной местности [9, л. 77].

Главный вопрос, который был вынесен на обсуждение, – вопрос о соотношении связанных с Чапаевым исторических реалий, эстетического значения и «идеологии» фильма. Документальная достоверность не имела для обсуждавших решающего значения. М.А. Попова, пулеметчица Чапаевской дивизии, прототип Анки, неуверенно говорила: «Может быть, здесь немного обобщено, но все здесь очень хорошо показано, а об исторической стороне можно будет говорить отдельно, если это будет нужно» [9, л. 49]. Голос И.С. Кутякова, командира Чапаевской дивизии, звучал увереннее: «Говорить сейчас про исторические воспоминания, как все это было, мне кажется, было бы очень скучно и ненужно» [9, л. 26].

Политическая ценность фильма представлялась преобладающей над эстетикой или документальностью и Эйдеману: «Бр. Васильевы <...> показали не только бойцов Гражданской войны, но изумительно показали на этом человеческом материале организующую роль партии. Вот почему прав тов. Васильев <...> что этому фильму массы аплодируют не потому, что он

хорош, а потому что они демонстрируют свое глубокое доверие той партии, которая воспитала и создала таких героев, как Чапаев» [9, л. 37].

Г.Д. Васильев, один из режиссеров фильма, в своем кратком выступлении опирался на общественное мнение, которое позволило ему уйти от эстетических оценок к актуальным – политическим: «Эту восторженность в обсуждении фильма “Чапаев” <...> (мы сюда приехали с завода “Каучук”, где были прекрасные выступления товарищей, и во время обсуждения картины женщины плакали), и все то, что имелось по линии печати, все это мы относим не к картине “Чапаев”, вернее, не к ее художественным качествам. Мы поняли, что картина на каком-то этапе переросла свои художественные качества, своих авторов и стала политическим фактором огромного значения. <...> этот огромный успех нашего фильма и является вотумом доверия людей нашей страны к нашей партии, к партии Ленина и Сталина, под руководством которой выковались кадры в ту эпоху, о которой говорит наша картина, и под руководством которой мы идем к нашему завтра» [9, л. 13].

Г.Д. Васильев и Эйдеман видели причины оглушительного успеха фильма в «правильном» освещении роли партии в становлении Красной армии. Партия, «под руководством которой выковались кадры в ту эпоху», и партия, «под руководством которой мы идем к нашему завтра», преодолев исторические реалии, предстала вождем российской истории равно могущественной и всеведущей и в 1919-м, и в 1934 г. Имея в виду эту мировоззренческую установку, Васильев допустил в выступлении ставшее в 1934 г. анахронизмом выражение «партия Ленина и Сталина» [1, с. 287–288].

Партийность картины усматривалась в синтезе жизненной конкретности и коллективной обобщенности изображенных героев. Комиссар Чапаевской дивизии А.И. Петраковский говорил об удаче Бабочкина в создании типажа красного командира: «...в фильме замечательно то, что ты видишь в Чапаеве коллективное лицо многих наших командиров. Чапаев – это тот командир, с отдельными жизненными проявлениями, с которыми мне приходилось сталкиваться и на южном, и на западном фронте. <...> ...артист Бабочкин и авторы этого фильма как бы создали это коллективное лицо нашего командира» [9, л. 14].

Актриса Мясникова сосредоточилась на приемах создания женского характера: «Мы не думали о Марусе Поповой, когда начинали картину. А может быть и думали, потому что мы брали вообще женщин, которых было много. <...> Актер, который невольно даст в результате своей работы живого настоящего человека, которого люди расценивают, как действительно настоящего, – актеру очень приятно» [9, л. 57].

С.Д. Васильев, второй режиссер фильма, выдвигал принцип типического, который ценился им выше фактографии: «...нас не интересовала фотография событий. И отсюда вопрос – почему о нашей картине говорят, что Чапаев был

действительно таким. А мы зачастую Чапаеву придавали черты, о которых мы не знали, были ли они у него или нет. Мы старались сделать типический образ. И мы, пользуясь, огромным материалом, который представляла действительность Гражданской войны, совершенно не стесняли себя рамками одной биографии Чапаева» [9, л. 76–77].

Литераторы вторили участникам событий и кинематографистам, внося, однако, в обсуждение особую – литературоведческую – составляющую. Так, В.М. Киршон утверждал: «...для нас, писателей-драматургов, сценаристов, собравшихся здесь, есть прекраснейший пример учебы, и это не покажется товарищам странным, учебы у классического наследства. В этом фильме, как в очень немногих наших произведениях, есть какая-то совершенно замечательная простота, которая роднит этот фильм с произведениями классиков. Если хотите, когда я смотрел “Чапаева”, мне все время хотелось сравнивать это произведение с Пушкиным, именно с пушкинскими вещами хотелось мне сравнивать эту эпопею. Это действительно художественная простота, замечательная четкость, скупость и вместе с тем поэтичность каждого образа» [9, л. 9].

Обсуждение «Чапаева» предоставляло Киршону материал и для литературно-критической борьбы: «...картина “Чапаев” <...> противостоит всему формалистскому крылу нашей кинематографии. Если хотите брать и сопоставлять, то сопоставляйте “Ивана” Довженко, сопоставляйте “Арсенал” и “Чапаева”. Здесь вы увидите линию социалистического реализма над линиями формалистских уклонов нашей кинематографии, над линией тех людей, которые в ущерб показу подлинных героев и настоящих реалистических образов занялись романтическим порханием в ущерб политическому и партийному содержанию фильм» [9, л. 7].

Киршону вторил А.А. Сурков: «...у нас завелись такие люди, которые думают, что мы вступили в некоторый хореографический, фокстротный период развития искусства. Некоторые люди говорят: веселиться нужно, массы хотят веселого. <...> ...когда многоуважаемая <...> “Комс. Правда” и тов. Шумяцкий в связи с тем, что “Литературная газета” связала появление фильма “Чапаев” с фильмом “Веселые ребята”, затеяли довольно широкую полемику, имеет или не имеет право на существование это произведение, то мне думается, что они глубоко неправы. <...> ...несмотря на талантливого режиссера Александрова и талантливую запись на пленку, эта вещь является как раз тем противоположенным полюсом развития нашего кино, против которого прямо и непосредственно направлено острие всех художественных образов Чапаева (апл.)» [9, л. 54–56].

Для Суркова ценность фильма «Чапаев» состояла в том, что он «дает богатейший материал для установления того, как достигается главная черта социалистического реализма. <...> Как в образе одного человека, индивиду-

альном, даже субъективном, очень контурно очерченном, вы все время ощущаете большой коллектив людей» [9, л. 54].

М.С. Шагинян была откровенна с собравшимися: она утверждала, что – поскольку «плохо слышит» – «звуковые фильмы» до нее не доходят. Но фильм «Чапаев» стал исключением: «Когда я стала смотреть, я вдруг почувствовала, что этот звуковой “Чапаев” сразу непреодолимо начинает входить на меня, как немой, начинает входить со своей чисто-кинематографической классикой и жестикуляцией» [9, л. 42–43].

Шагинян объяснила этот феномен так: «...сердце фильма открылось мне во взаимоотношениях двух основных большевиков фильма. Эти большевики потрясающе меня воспитывают в течение этих двух часов так, как они воспитывали на протяжении нескольких лет самого Чапаева, и это есть настоящая основная потрясающая тема “Чапаева” <...>. Эта тема пятого тома “Ильича”. Это, если помните, собрание того, что он писал в 1905 г., когда оформлялся тип большевизма среди социал-демократии. Это первые страницы брошюры Ильича “Что делать”, где он говорит о стихийности и сознательности, где он говорит, что нельзя противопоставлять стихийность сознательности <...>. Эта ленинская тема и есть то, что сделало фильм сюжетным и что помогло фильму пройти даже без текста» [9, л. 43–44].

Диссонансом в обсуждении звучало выступление вдовы Фурманова, А.Н. Фурмановой, вспоминавшей о конкретных обстоятельствах написания легшего в основу фильма романа: «...вдруг Чапаев видит, как Фурманов записывает, это его взорвало, он вспылал, хотел вырвать книжку и говорит: “Ты строчишь донесение Михаилу Васильевичу [Фрунзе]. Не будет этого”. И только после долгих уговоров Фурманова, когда Фурманов показал Чапаеву то, что он записывал, Чапаев понял, что он записывает свои непосредственные впечатления. После этого разговора Чапаев сам стал писать роман. К сожалению, этот роман до нас не дошел. Очевидно, эти материалы погибли во время налета на штаб. Но Чапаев писал роман» [9, л. 28].

Однако никто из собравшихся не стал поддерживать тему реальных взаимоотношений Чапаева с начальниками и подчиненными.

* * *

Собственно, исход обсуждения был предрешен: к концу ноября И.В. Сталин посмотрел фильм 11 раз [5], а в премьерные дни генсек лично контролировал прессу фильма, критикуя неверные интерпретации [6].

За 22 дня, прошедших между премьерой и обсуждением, фильм уже стал эталоном соцреализма в кино как для критиков [2, с. 224–225; 3, с. 213; 7, с. 234; 8, с. 212.], так и для кинематографистов: по чапаевскому образцом картины о герое позже были сняты «Котовский» (реж. А.М. Файнциммер,

1942 г.), «Александр Пархоменко» (реж. Л.Д. Луков, 1942 г.), а «Щорс» А.П. Довженко (1939) и вовсе заказывался Сталиным как украинский «Чапаев» [4, с. 216–219].

Именно на мнение Сталина и ориентировались выступавшие – и не скрывали этого. Характерную рефлексию обнаруживает речь Кутякова: «...на этом фильме братьев Васильевых создаются сотни тысяч, может быть, миллионы других “Чапаевых”. Вот, по-моему, основная важность этого фильма. (Аплодисменты.) А что это так, товарищи, мне кажется, даже можно судить по тому, что все вожди, а в вождях мы не сомневаемся, в их уме, недаром столько шумихи подняли вокруг “Чапаева”. Быть может, даже больше челюскинской» [9, л. 25].

Библиография

1. Вайскопф М.Я. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 384 с.
2. Гринберг И. «Великий гражданин» // Звезда. 1938. № 5. С. 218–227.
3. Гринберг И. Поэзия жизни // Звезда. 1938. № 7. С. 208–214.
4. Громов Е.С. Сталин: Искусство и власть. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
5. Запись беседы И.В. Сталина, А.А. Жданова, Л.М. Кагановича с Б. Шумяцким об освещении на страницах печати проблем производства кинофильмов, участия в нем Союза советских писателей во время кинопросмотра 20 ноября 1934 г. // Россия. XX век: Электронный альманах. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56169> (Дата обращения: 7.07.2017.)
6. Запись беседы И.В. Сталина, С.М. Кирова, В.М. Молотова, М.И. Калинина, А.А. Жданова с Б. Шумяцким о фильмах А. Довженко «Аэроград», «Иван», рецензиях на фильм «Чапаев» во время кинопросмотра 10–11 ноября 1934 г. // Россия. XX век: Электронный альманах. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56167> (Дата обращения: 7.07.2017.)
7. Коварский Н. Волочаевские дни // Литературный современник. 1938. № 2. С. 234–247.
8. Лежнев А. Простота и величавость // Октябрь. 1936. № 5. С. 204–212.
9. Обсуждение фильма «Чапаев» 29.11.1934 // Отдел рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 220. 78 л.

References

- Grinberg I. «Velikij grazhdanin» // Zvezda. 1938. N 5. P. 218–227.
Grinberg I. Pojezija zhizni // Zvezda. 1938. N 7. P. 208–214.
Gromov E.S. Stalin: Iskusstvo i vlast'. Moscow: Jeksmo, 2003. 544 p.
Kovarskij N. Volochaevskie dni // Literaturnyj sovremennik. 1938. N 2. P. 234–247.
Lezhnev A. Prostota i velichavost' // Oktjabr'. 1936. N 5. P. 204–212.
Obsuzhdenie fil'ma «Chapaev» 29.11.1934 // Otdel rukopisej IMLI RAN. F. 52. Op. 1. D. 220. 78 l.
- Vajskopf M.Ja. Pisatel' Stalin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 384 p.
Zapis' besedy I.V. Stalina, A.A. Zhdanova, L.M. Kaganovicha s B. Shumjackim ob osveshhenii na stranichah pechati problem proizvodstva kinofil'mov, uchastija v nem Sojuza sovetskih pisatelej vo vremja kinoprosmotra 20 nojabrja 1934 g. // Rossija. XX vek: Eelektronnyj al'manah. URL:

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

<http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56169> (Data obrashhenija: 7.07.2017.)

Zapis' besedy I.V. Stalina, S.M. Kirova, V.M. Molotova, M.I. Kalinina, A.A. Zhdanova s B. Shumjackim o fil'mah A. Dovzhenko «Ajerograd», «Ivan», recenzijah na fil'm «Chapaev» vo vremja kinoprosmotra 10–11 nojabrja 1934 g. // Rossija. XX vek: Eelektronnyj al'manah. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56167> (Data obrashhenija: 7.07.2017.)